

В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

М. С. Рыбина

**Пруст и дада: французские вариации
«архаистов и новаторов»**

В отечественных работах, посвящённых истории французского модернизма и авангарда, а тем более в курсах «Истории зарубежной литературы XX века» Пруст и дадаизм — это, как минимум, изолированные параграфы, если не главы¹. Но и во Франции тема «Пруст и дада» не лишена некоторой загадочности, о чём свидетельствует заглавие недавнего исследования². Материальным свидетельством этой «тайны» являются два письма Марселя Пруста к Филиппу Супо, переводы которых публикуются в настоящем издании.

Приведённые в статье А. Н. Таганова факты: работа А. Бретона над корректурой романа «У Германтов», письма Пруста к редакторам «Литтератор» и анкета, опубликованная в восемнадцатом номере журнала (март 1921 года), — нуждаются, на наш взгляд, в более подробном комментарии³. В этом ряду корреспонденция Пруста упоминается как незначительный и малоинтересный эпизод. Исследователь констатирует «неоднозначное» отношение Пруста к литературному авангарду и *vice versa*⁴ и приходит к выводу о том, что «сходство некоторых моментов в творчестве Пруста и сюрреалистов никоим образом не означает полного тождества их художественных принципов»⁵. Итак, попытаемся уточнить исторический контекст переписки Пруста с будущими сюрреалистами. В 1920 году в издательстве «Нуфель ревью франсез» (*Nouvelle Revue Française*, далее НРФ — М. Р.) готовится выход третьего тома «В поисках утраченного времени» «У Германтов» («*Le côté de Guermantes*»). 29 июля 1920 главный редактор НРФ Жак Ривьер пишет автору следующее: «Сообщал ли я (возможно, это покажется Вам забавным), что Андре Бретон, глава дадаистов, который приходил помогать Вам вычитывать корректуру, выразил восторг по поводу поэтических сокровищ, обнаруженных им в Вашем произведении?»⁶. Впоследствии главный французский сюрреалист утверждал, что Пруст-писатель его никогда не интересовал⁷.

¹ Исключение составляет статья А. Н. Таганова Марсель Пруст и французский литературный авангард 1920-х годов // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX—XX веков. Проблема литературных связей / Под. ред. Н.А. Чугуновой. Иваново: ИвГУ, 1999. С. 70 — 81

² «Пруст — дадаист? (По поводу одной неразгаданной тайны истории литературы)». Schuefewegen F. Proust est-il dadaïste ? (à propos d'un mystère encore non élucidé de l'histoire littéraire) // Marcel Proust aujourd'hui. — n° 5. — Amsterdam — New-York: Editions Rodopi B.V., 2007. — P. 137—160.

³ Таганов А.Н. Указ. соч. С. 75—76.

⁴ Там же. С. 71, 75.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Lettre de Jacques Rivière à Marcel Proust du 29.07.1920: «Vous ai-je dit (la chose vous amusera sans doute) qu'André Breton, le Dada en chef, qui est venu vous aider à corriger vos épreuves, m'a déclaré pour vous une admiration intense, fondé justement sur les trésors poétiques qu'il a decouvert dans votre œuvre?». Текст письма цит. по Schuefewegen F. Proust est-il dadaïste ? (à propos d'un mystère encore non élucidé de l'histoire littéraire). — P. 137.

⁷ Entretien avec Madeleine Chapsal // L'Express, (Paris), n° 582, 9 août 1962. P. 21—23.

Однако есть основания полагать, что в 1920 всё обстояло несколько иначе. Бретон, один из соредкторов «Литтератор» (*Littérature*), хотел получить отрывок нового романа для журнальной публикации в официальном органе дадаистов. Он посылает автору «В поисках утраченного времени» экземпляр «Магнитных полей»¹ и надеется на ответный жест вежливости. Следствием явилось письмо Пруста к Ф. Супо от 6 сентября 1920.

В «Литтератор» к тому времени уже опубликованы два отклика на книги Пруста «Подражания и смеси» (*Pastiches et Mélanges*, 1919) и «Под сенью девушек в цвету» (*A l'ombre des jeunes filles en fleurs*, 1918), оба принадлежат Луи Арагону². Несмотря на лаконичность «рецензий» и двусмысленность комплиментов³, реплики для дадаистов скорее благожелательные и далёкие от тотального отрицания, которое будет высказано в адрес Пруста на конгрессе дада в 1922 году.

Спустя две недели, 21 сентября 1920, М. Пруст снова пишет Ф. Супо и, на этот раз, А. Бретону по поводу возможного сотрудничества с «Литтератор». Тон письма, как отмечают французские комментаторы, довольно «колкий»⁴: автор недоволен «халтурной» работой Бретона с корректурой его романа⁵. Ответ дадаистов неизвестен, Ф. Супо подтвердил только, что адресаты письма получили. В упоминавшемся нами исследовании Шефевегена говорится, что отношения Пруста с дадаистами после этого письма резко оборвались⁶, но в декабрьском номере «Литтератор», тем не менее, сообщается о предстоящей публикации статьи М. Пруста⁷. В следующем (март 1921) редакция объявляет, что читатели больше не увидят в журнале известных имён. Однако прежде, «желая покончить со всей этой славой», участники группы, куда вошли Л. Арагон, А. Бретон, Г. Бюффе, П. Дрие ла Рошель, П. Элюар, Т. Френкель, Б. Пере, Ж. Рибмон-Дессень, Ж. Риго, Ф. Супо и Т. Тзара, выставили оценки «знаменитостям» по «школьной системе» (-25 — полное отвращение, 0 — полное безразличие, 20 — одобрение). Акцией руководил, по-видимому, Ф. Супо, обозначенный в качестве *gérant*. Пруст получил по сумме баллов абсолютный 0,00⁸. Так закончилась история «сотрудничества» М. Пруста с авангардистской «Литтератор».

¹ Пруст имеет репутацию «правого» как в политике, так и в литературе, так что сам факт получения им ультраавангардистской книги примечателен.

² Aragon L. «Les Pastiches et mélanges», in *Littérature*, n° 7, septembre 1919. — P. 25. Aragon L. «A l'ombre des jeunes filles en fleurs», in *Littérature*, n° 11, janvier, 1920. P. 30.

³ Л. Арагон называет автора «Подражаний и смесей» дактилографом, запустившим «пишущую машинку Балзака», и «трудолюбивым снобом», а далее сообщает, что Пруст «стоит на вес собственной бумаги», иронично обыгрывая устойчивое выражение «цениться на вес золота»/ «valoir son pesant d'or» («M. Marcel Proust vaut son pesant de papier»).

Louis Aragon L. «Les Pastiches et mélanges». — P. 25. Aragon L. «A l'ombre des jeunes filles en fleurs». — P. 30.

⁴ Marcel Proust envoie deux lettres <...> qui ne manquent pas de piquant. Philippe Soupault nous a confirmé que les destinataires les avaient bien reçues”. Soupault Ph. *La Littérature et le reste. 1919-1931*. Paris: Gallimard, 2006. (Collection de la NRF). — P. 38.

⁵ История романа «У Германтов» в издательстве НРФ довольно драматична и взаимных упреков в период подготовки публикации хватало. Не только автор был недоволен сотрудниками издательства, но и его издатель Галлимар говорил впоследствии, что «манера Пруста читать корректуру приводила наборщиков в отчаяние. Гранки всегда возвращались полностью исписанные. Но ни одна из опечаток не была исправлена, все свободное пространство было заполнено новым текстом». Вальтер Б. К портрету Пруста. <http://dironweb.com/klinamen/read12.html>

⁶ «Après la lettre du 21. 09. 1920 les contacts entre Proust et Bretons interrompent brusquement”. Schuefewegen F. *Proust est-il dadaïste ?* — P. 145.

⁷ *Littérature*, n° 17, décembre 1919. — P. 25.

⁸ «On ne s'attendait plus à trouver des noms célèbres dans LITTÉRATURE. Mais, voulant en finir avec toute cette gloire, nous avons cru bon de nous réunir pour décerner à chacun les éloges qu'il mérite.

Но вернёмся к корреспонденции. Тон первого письма Пруста к Супо представляется более «интимным», чем можно было бы ожидать, исходя из ситуации: Пруст упоминает светских знакомых (дадаисты известны своими «левыми» взглядами), с эпической обстоятельностью описывает подробности, которые заведомо не имеют к адресату прямого отношения, а затем, словно бы время аудиенции истекло, завершает письмо дежурной формулой вежливости. Сложно согласиться с мнением отечественного литературоведа о «деловом характере»¹ этой переписки. Скорее Пруст использует дискурс «светской беседы» в качестве приёма неявной иронии: установка на «интимность» сообщения подчёркивает дистанцию между адресантом и адресатом.

Другим приёмом выражения иронии становится выбор отрывка, который Пруст предлагает «Литтератор». На наш взгляд, речь идёт о следующем фрагменте из романа «У Германтов» (*Le côté de Guermantes* <I>): «Мне указали комнату Сен-Лу. Услыхав стук, я остановился перед затворенной дверью: в комнате что-то передвигали, что-то роняли; было очевидно, что комната не пуста, что там кто-то есть. Но это был всего-навсего огонь. Он не мог гореть спокойно, он передвигал дрова — и очень неуклюже. Я вошел; одно полено откатилось, другое зачало — все это вытворял огонь. Даже не шевелясь, огонь вел себя шумно, как невоспитанный человек, и только когда я вошел в комнату и увидел пламя, я понял, что это звуки огня, а если бы продолжал стоять за дверью, я подумал бы, что кто-то там сморкается и ходит...»².

Далее следует эпизод, в котором обнаруживается любопытная параллель с ситуацией, описанной в письме к Супо: «Вернемся к области звука: сунем в слуховой проход комок ваты потолще, и это сведет к пианиссимо то бравурное, что играет у нас над головой девица; смажем вату чем-нибудь жирным — тотчас же ее неограниченной власти подчинится весь дом, ее законы будут действовать и снаружи. Пианиссимо *уже не звучит*, вата мгновенно захлопывает крышку рояли, и урок музыки прекращается; человек, шагавший у нас над головой, внезапно перестает ходить дозором; движение экипажей и трамваев останавливается, словно ждут главу государства. И это *заглушение звуков* иной раз даже, вместо того чтобы охранять сон, тревожит его <...> Выньте на минутку вату *из ушей больного*, — внезапно свет, ясное солнце звука загорится для него вновь и, ослепительное, возродится во вселенной; изгнанные звуки с невероятной быстротой вернуться к людям; больному представится, будто славословят ангелы и наступило воскресение голосов. На пустынных улицах тотчас же вновь появится многое множество летящих один за другим бы-

A cet effet nous avons dressé la liste suivante et établi une échelle allant de -25 à 20 (-25 exprimant la plus grande aversion, 0 l'indifférence absolue). Ce système scolaire, qui nous semble assez ridicule, a l'avantage de présenter le plus simplement notre point de vue. Nous tenons, d'autre part, à faire remarquer que nous ne proposons pas un nouvel ordre de valeurs, notre but étant, non de classer, mais de déclasser...». *Littérature*, n° 18, mars 1921. — P. 1, 6, 24.

¹ Таганов А.Н. Указ. соч. С. 75.

² Текст романа цитируется в переводе Н. Любимова по изданию Пруст М. У Германтов. — М.: Художественная литература, 1980. С. 80. с указанием номера страницы в тексте — М. Р.

«On m'indiqua la chambre de Saint—Loup. Je restai un instant devant sa porte fermée, car j'entendais remuer; on bougeait une chose, on en laissait tomber une autre; je sentais que la chambre n'était pas vide et qu'il y avait quelqu'un. Mais ce n'était que le feu allumé qui brûlait. Il ne pouvait pas se tenir tranquille, il déplaçait les bûches et fort maladroitement. J'entrai; il en laissa rouler une, en fit fumer une autre. Et même quand il ne bougeait pas, comme les gens vulgaires il faisait tout le temps entendre des bruits qui, du moment que je voyais monter la flamme, se montraient à moi des bruits de feu, mais que, si j'eusse été de l'autre côté du mur, j'aurais cru venir de quelqu'un qui se mouchait et marchait...».

Proust M. *Le côté de Guermantes* (I). — Paris: Flammarion, 1987. — P. 141.

строкрытых певунов-трамваев. И у себя в комнате больной, в отличие от Прометей, создаст не огонь, но шум огня. Так, то утолщая, то утончая комочки ваты, мы как бы нажимаем то одну, то другую из тех двух педалей, которые усиливают или ослабляют звучание внешнего мира.

Но звуки не всегда *упраздняются* на короткое время. *Человек совершенно глухой* не может даже вскипятить молоко, не следя глазами за появлением на открытой кастрюле белого гиперборейского отсвета, напоминающего отсвет метели и заменяющего тревожный сигнал, которым опасно пренебрегать и по которому, подобно тому как Господь усмирил волны, нужно усмирить эту стихию, а для этого нужно выключить электричество; ибо яйцо кипящего молока, судорожно рвущееся кверху, после нескольких наклонных всплесков уже достигло предельной высоты, оно раздувает, округляет поникшие паруса, которые сморщила пенка, затем метнет один из них, перламутровый, прямо навстречу буре, и только выключение тока, если вовремя заклясть электрическую грозу, сначала закрутит их все, а потом заставит лечь в дрейф и преобразит в лепестки магнолий...». [Пруст; С. 81—82]¹⁸ <курсив мой — М. Р.>.

Центральным в этом эпизоде становится мотив «глухоты», который, заметим, объединяет и оба письма: в первом Пруст пишет «страницы о глухих» и страдает из-за экспериментов с ватой, во втором, вновь упоминается больное ухо и выделяется эпизод с «закипающим молоком». По мнению Шефевегена, Пруст намекает, таким образом, на «глухоту» Бретона к работе с его текстом. Далее исследователь высказывает гипотезу о том, что глава дадаистов сознательно пытался испортить корректуру и представить Пруста, в том числе и читателям своего журнала, в качестве имитатора стиля Бретона, чтобы устранить опасного конкурента¹⁹. Предположение об ироничном обыгрывании Прустом «глухоты» авангардистов представляется верным, но объяснение мотивов Бретона может быть иным. Не исключено, что последний увидел «поэтические сокровища» как в самом произведе-

¹ «Pour revenir au son, qu'on épaississe encore les boules qui ferment le conduit auditif, elles obligent au pianissimo la jeune fille qui jouait au-dessus de notre tête un air turbulent; qu'on enduisse une de ces boules d'une matière grasse, aussitôt son despotisme est obéi par toute la maison, ses lois mêmes s'étendent au dehors. Le pianissimo ne suffit plus, la boule fait instantanément fermer le clavier et la leçon de musique est brusquement finie; le monsieur qui marchait sur notre tête cesse d'un seul coup sa ronde; la circulation des voitures et des tramways est interrompue comme si on attendait un Chef d'Etat. Et cette atténuation des sons trouble même quelquefois le sommeil au lieu de le protéger <...> Que l'on retire pour un instant au malade les cotons superposés à son tympan, et soudain la lumière, le plein soleil du son se montre de nouveau, aveuglant, renaît dans l'univers; à toute vitesse rentre le peuple des bruits exilés; on assiste, comme si elles étaient psalmodiées par des anges musiciens, à la résurrection des voix. Les rues vides sont remplies pour un instant par les ailes rapides et successives des tramways chanteurs. Dans la chambre elle-même, le malade vient de créer, non pas, comme Prométhée, le feu, mais le bruit du feu. Et en augmentant, en relâchant les tampons d'ouate, c'est comme si on faisait jouer alternativement l'une et l'autre des deux pédales qu'on a ajoutées à la sonorité du monde extérieur. Seulement il y aussi des suppressions de bruits qui ne sont pas momentanées. Celui qui est devenu entièrement sourd ne peut même pas faire chauffer auprès de lui une bouillotte de lait sans devoir guetter des yeux, sur le couvercle ouvert, le reflet blanc, hyperboréen, pareil à celui d'une tempête de neige et qui est le signe prémonitoire auquel il est sage d'obéir en retirant, comme le Seigneur arrêtant les flots, les prises électriques; car déjà l'oeuf ascendant et spasmodique du lait qui bout accomplit sa crue en quelques soulèvements obliques, enfile, arrondit quelques voiles à demi chavirées qu'avait plissées la crème, en lance dans la tempête une en nacre et que l'interruption des courants, si l'orage électrique est conjuré à temps, fera toutes tourner sur elles-mêmes et jettera à la dérive, changées en pétales de magnolia...».

Proust M. Le côté de Guermantes (I). — P. 143—144.

² Schuefewegen F. Proust est-il dadaïste? (à propos d'un mystère encore non élucidé de l'histoire littéraire). — P. 144—146.

нии, так и в неожиданных сочетаниях, возникших вследствие опечаток, и отказался их исправлять, следуя принципу «автоматического письма». Автор заметил эти манипуляции и выразил своё отношение к такого рода экспериментам, по крайней мере, с его текстом.

Определённые трудности для интерпретации представляет финал второго письма: «Je ne suis pas retourné super flumina Babylonis» (Я не вернулся «на реках вавилонских»¹). Один из первых исследователей темы «Пруст и дада» Жак Берсани полагает, что цитата содержит намёк на НРФ, редакция которой находилась недалеко от станции метро «Севр-Бабилон» (Sèvres-Babylone)². Другой автор высказывает осторожное предположение, что аллюзия на библейский текст выражает отказ Пруста от участия в издании дадаистов³. Возможно, Пруст вновь вспомнил о «Магнитных полях»⁴, точнее о строке из «Зеркала без амальгамы» (La Glace sans tain), которую он привёл Супо в первом письме. Нам представляется неслучайным употребление в этом контексте слова «версе» (verset), отсылающего к библейской традиции. Пруст напоминает интертекст, запомнившейся ему строки⁵ (не об этом ли он собирался побеседовать с Супо?) и иронично обыгрывает его содержание («Литератур» — это «чужие берега», где он песен не поёт).

Предлагаемый читателю перевод писем М. Пруста к Ф. Супо выполнен по изданию Soupault Ph. *La Littérature et le reste. 1919-1931*. Paris: Gallimard, 2006. (Collection de la NRF). — P. 36—39.

¹ Начало 136 псалма, одного из самых известных библейских текстов. Псалом представляет собой песню еврейских изгнанников, томящихся в вавилонском плену после падения Иерусалима и разрушения Первого Храма. «Super flumina Babylonis illic sedimus et flevimus, cum recordaremur Sion (2) in salicibus in medio eius suspendimus organa nostra...» (Biblia Sacra Vulgata, Psalmi, Ps. 136:1-2). «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; (2) на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы...» (Ветх. Зав., Псалт., Пс. 136, Ст. 1-2).

Bersani J. Proust et dada. Deux lettres inédites de Marcel Proust à Philippe Soupault et André Breton// *Revue d'histoire littéraire de la France*. — Avril-Juin 1965. — n°2. — P. 263.

² «N'y aurait-il pas dès lors une manière de subtile distanciation opérée au profit de la publication des deux dadaïste». Mingelgrün A. *Thèmes et structure bibliques dans l'œuvre de Marcel Proust*. — Lausanne: L'Âge de l'homme, 1978. — P. 48

retourner имеет значение возвратного действия, которое может быть передано на русский язык следующим семантическим рядом: 'возвратиться', 'обратиться вспять', 'возобновить ч.-л.', 'вернуться (к мысли, вопросу и т.п.)'

³ «В этот вечер нас двое у самой реки, переполненной нашим отчаяньем. Мы не можем больше думать. Слова вырываются из наших искривленных ртов, а стоит нам засмеяться, как прохожие в ужасе оборачиваются и стремглав бросаются по домам. К нам не знают презренья...». Текст «Магнитных полей» приводится в переводе Д. Галя.

⁴ «Ce soir, nous sommes deux devant ce fleuve qui déborde de notre désespoir. Nous ne pouvons même plus penser. Les paroles s'échappent de nos bouches tordues, et, lorsque nous rions, les passants se retournent, effrayés, et rentrent chez eux précipitamment. On ne sait pas nous mépriser...». Breton A., Soupault Ph. *Les champs magnétiques: suivi suivi de S'il vous plaît; et de Vous m'oubliez*. — Paris: Gallimard, 1971. — P. 29 (Collection Poésie de la NRF, t. 74).

Марсель Пруст Филиппу Супо¹
улица Амлен, 44
[понедельник 6 сентября 1920 года]

Господин Супо,

Вы сейчас убедитесь в том, что я начисто лишён везения. Я никогда не был (или, возможно, один раз, когда-то давно) на набережной Бурбон². Мой друг Валентинуа³ жил там, но, хотя он и сопровождал меня, мне самому не случилось провожать его до дома. Итак, в воскресенье, то есть накануне того дня, когда я получил ваше письмо, я отправился (на набережную Бурбон) к принцу Бибеско⁴ и юной Эскит⁵. Я четырежды прошёл мимо дома № 41⁶ (она живёт в 45-м!). И вернулся... Дома я пережил страшный приступ⁷, и когда рано утром, наконец, смог позвонить, всё ещё в плаще и в шляпе, как был, мне принесли Ваше письмо. Итак, если бы я его получил на 24 или хотя бы на 12 часов раньше, то поднялся бы к Вам. А если бы не смог, то попросил бы консьержа передать Вам мою просьбу спуститься, и мы побеседовали бы в экипаже⁸ возле Вашего чудесного «Большого Канала». Мы могли бы поговорить о версе⁹ из Ва-

¹ Ответ М. Пруста на экземпляр «Магнитных полей», посланный Бретоном, и на несохранившееся письмо Ф. Супо. (прим. фр. издания). Soupault Ph. La Littérature et le reste. 1919—1931. Paris: Gallimard, 2006. (Collection de la NRF). — P. 36.

² Quai de Bourbon — набережная Сены на о. Св. Людовика, четвёртый округ Парижа, квартал Нотр-Дам, построена в 1614—1646. (здесь и далее — прим. перевод.)

³ Пьер Грималди, герцог де Валентинуа (Pierre Grimaldi, duc de Valentinois).

⁴ Антуан, князь Бибеско (1878—1851) Antoine, prince Bibesco, румынский аристократ, дипломат, был давним другом М. Пруста и, как полагают современники, прототипом Робера де Сен-Лу из цикла «В поисках утраченного времени». Сохранилась переписка М. Пруста и А. Бибеско.

⁵ Элизабет Эскит (1897—1945) Elizabeth Charlotte Lucy Asquith — английская писательница, автор рассказов и афоризмов, дочь английского премьер-министра Герберта Генри Эскита. В 1919 году вышла замуж за А. Бибеско, находившегося в то время в Лондоне на дипломатической службе. Переехав в Париж, супруги жили в доме №45 на набережной Бурбон, который принадлежал семье её мужа. В период между двумя мировыми войнами салон Бибеско — один из интеллектуальных и культурных центров Парижа.

⁶ Адрес редакции журнала Литтератор.

⁷ В эссе «К портрету Пруста» Б. Вальтер пишет об эстетизирующей функции, которую Пруст извлекает из своей астмы: «Ритмами и темпами своей болезни он держал в напряжении друзей, со страхом мечтавших о том моменте, когда писатель появится в салоне далеко за полночь -- разбитый и усталый, всего на пять минут, как он сообщал, -- для того, чтобы остаться до рассвета, слишком усталый, чтобы подняться с места, слишком усталый, чтобы перестать говорить. Даже в письмах он не может перестать извлекать из болезни посторонние эффекты: «Свист моего дыхания заглушает скрип пера и журчание воды этажом ниже, которую пустили в ванну». Но дело не только в этом. Также и не в том, что болезнь вырвала его из светской жизни. Астма вошла в его произведения, если вообще не создала его искусство». <http://dironweb.com/klinamen/read12.html>

⁸ Пруст совершал свои ночные путешествия в карете, которую нанимали по этому случаю. Кокто Ж. Портреты-воспоминания: Эссе. — М.: Известия, 1985. (Библиотека «Иностранной литературы»). С. 39.

⁹ Стих, строфа (в Библии, в молитвеннике): «Слово «версе» (verset), восходящее к фр. «стих» (versus — «стих», лат.), с 13 века служит для обозначения небольших по объёму пронумерованных абзацев, передающих законченную мысль, из которых состоит Библия и другие священные тексты <...> Согласно словарю Ларусс 1933, в 20 веке версе начинают обозначать единицы ритмической прозы, превосходящие по размеру строку...». [“Le mot, dérivé de vers, sert depuis le XIII-ème siècle à désigner les petits paragraphes numérotés offrant un sens complet qui composent la Bible et les textes sacres <...> D’après le Larousse de 1933 l’usage s’est établie au XX siècle d’appeler « verset » des unités de prose rythmée excédant la mesure de la ligne...”]. Dictionnaire de poésie de Baudlaire à nos jours. — Paris : Presse universitaire de France, 2001. — P. 865—866.

Как указывает М.И. Шапир в примечаниях к статье Кенигсберга: «под версе (verset) понима-

ших «Магнитных полей» и «Песен»¹: «В этот вечер нас двое у самой реки, переполненной нашим отчаяньем»².

Но, к несчастью, это было в воскресенье вечером, а Ваше письмо пришло в понедельник утром. К сожалению, принять Вас не представляется возможным, поскольку, как только у меня появляются силы встать (едва ли не раз в неделю), я выхожу, чтобы могли прибраться в комнате. И я не могу принимать, находясь в постели. Кроме того, в течение этих двух недель, так уж случилось, я, во-первых, смирился с мыслью посетить окулиста (это после четырёх лет колебаний!), а во-вторых, будучи вынужденным в последнее время писать, исключительно в воображении, страницы о глухих, решил проконсультироваться с отоларингологом, так как, вставив вату, чтобы не слышать соседей и попытаться уснуть, я не смог её извлечь полностью, что теперь причиняет мне сильную боль.

Я сообщаю все эти малоинтересные подробности только для того, чтобы продемонстрировать свою добрую волю: если мы лишены возможности встретиться, то не я тому виной. Итак, было бы лучше, если бы Вы написали мне всё, что хотели сказать. И хотя я совершенно не способен поддерживать переписку, я бы обязательно Вам ответил. Я пишу только о Вашем письме, в то время как собирался похвалить Вас и г-на Бретона за «Магнитные поля»³. Я имел огромное удовольствие однажды с ним встретиться. Передайте ему, прошу Вас, что лишь состояние, многим отличающееся от смерти, помешало мне ответить вам обоим, когда я получил эту книгу. Из-за окулиста мне приходится время от времени надевать очки, наугад подобранные оптиком, чтобы Вас читать. Примите выражение моей самой искренней симпатии,

Марсель Пруст.

ют различные формы ритмизованной прозы, в том или ином отношении аналогичные “библейскому стиху” (силлабическая и/или тоническая соразмерность колонов, ассонансы, рифмоиды, строфоиды и т. п.). Кенигсберг М. М. Анализ понятия «стих» // *Philologica*, 1994. — Т. 1, № 1/2. С. 175.

¹ Во французском языке слова “champs” (поля) и “chants” (песни) являются омонимами и в письме Пруста представлены как варианты заглавия книги Бретона и Супо.

² Текст «Магнитных полей» приводится в переводе Д. Галя.

³ “Ce soir, nous sommes deux devant ce fleuve qui déborde de notre désespoir...”. Breton A., Soupault Ph. *Les champs magnétiques: suivi suivi de S’il vous plaît ; et de Vous m’oubliez*. — Paris: Gallimard, 1971. — P. 29 (Collection Poésie de la NRF, t. 74).

³ В эссе «Голос Марселя Пруста» Ж. Кокто пишет о моделирующей функции воображаемого мира в отношениях Пруста со своим окружением: «Многое в Прусте заставляло думать о существовании какого-то неведомого, ему одному доступного мира. В этом мире, где он владел несметными сокровищами, царили непостижимые законы. Сколько раз мы получали от него длинные письма со множеством исправлений, где нам дружески выговаривалось за какой-нибудь проступок, которого мы за собой не знали, но который, однако, совершили и который не заметили наши грубые чувства». Кокто Ж. *Портреты-воспоминания: Эссе*. — М.: Известия, 1985. С. 40. Сказанное выше применимо, как нам кажется, как к похвалам Пруста, так и упрекам, адресованным А. Бретону в следующем письме.

Марсель Пруст Филиппу Супо
улица Амлен, 44
[вторник, 21 сентября 1920 года]

Дорогой господин Супо,

мне очень жаль, что отвечаю Вам с опозданием, которое может вам показаться намеренным. Можно предположить, что вместо того, чтобы просто отказаться при-слать рукопись, я отправляю её Вам, сознательно пропустив все возможные сро-ки. Нет, это совсем не так, и если здесь есть моя вина, то половина её на совести Вашего друга Андре Бретона. (Разумеется, я говорю это лишь для того, чтобы вы передали ему мои слова. Я противник сплетен, секретов и тому подобного). Итак, на следующий день после того, как я Вам написал, уже измученный собственным ухом и отказавшийся вследствие этого отвечать Ревю де Пари и так далее (с тех пор, как я не могу больше писать, всё, в чём мне прежде было отказано, даруется с лёгкостью), я увидел, что моя будущая книга, которую вычитывал господин Бре-тон, содержит столько ошибок, что если бы я не выправил опечатки, то посчитал бы себя опозоренным. Мне потребовалось больше недели; учитывая те 23 страни-цы (по крайней мере, в том виде, в каком я их только что отправил), я обнаружил 200 ошибок. Но на середине книги я остановился, побеждённый усталостью. Эта работа отняла у меня всякую возможность вести переписку, и она всё ещё далека от завершения. Но главное, чтобы господин Бретон воспринял это не как упрёк, пусть даже дружеский, а как извинение. Книга выйдет к 7-му¹. Если в этот срок Вы будете готовить номер «Литератур» (я не знаю, еженедельное или ежемесяч-ное это издание), то попросите у Галлимара отрывок о шуме для публикации в Ва-шем журнале, начиная с того момента (предполагаю?), где я испытываю колебания, прежде чем войти в комнату Сен-Лу, не распознав в шуме за стеной треск огня. Я добавил пару образов, которые несколько «возвысят» [?] вращение закипающего молока. Но всё равно это очень убого, и надо будет украсить всё это в следующем томе (если буду жив). Прислушайтесь к Вашими возможностями. Не растрачивай-те силы на эту мелочь, если Вы ограничены во времени. Что до меня, то я посчи-тал бы большой честью опубликовать что-либо в журнале, где вы оба сотруднича-ете. Я не вернулся *Super flumina Babylonis*². Разделите с господином Бретоном, про-шу Вас, уверения в моей искренней дружбе,

преданный Вам Марсель Пруст.

¹ Первая часть романа «У Германтов» (*Le côté de Guermites* <I>) поступила в продажу 22 октя-бря 1920.

² «На реках вавилонских...» (лат.) — начало 136-го псалма [Ветх. зав.: Псалт.].